

Шмигель, Михал Советская акция по репатриации на территории Словакии (1945—1948) (по материалам словацких архивов) / Михал Шмигель // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. Вып. 7 / рэдкал. : С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск : БДУ, 2012. — С. 99-108.

МИХАЛ ШМИГЕЛЬ

СОВЕТСКАЯ АКЦИЯ ПО РЕПАТРИАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ СЛОВАКИИ (1945—1948)¹ (по материалам словацких архивов)

Прошедшая в Словакии в 1945—1948 гг. советская акция по репатриации относится к ряду проблем, которые еще только ожидают своего исследования. По естественным причинам чехословацкая историография второй половины XX в. не могла уделить внимание данной проблеме. Мероприятия советских властей, проведенные с продвижением фронта в 1945 г. на территорию Чехословакии, стали объектом изучения только в 1990-е гг., прежде всего в Чехии. Словацкая историография этой проблеме до сих пор не уделила должного внимания, хотя начало изучения темы проявилось в нескольких публикациях.

Советская акция по репатриации была нацелена на поиск, обеспечение и возвращение в Советский Союз советских граждан, которые по разным причинам покинули советскую территорию во время войны 1939—1945 гг. (были взяты в плен или отправлены на работы в Третий рейх, эмигрировали, бежали с территории СССР) и осели в странах Центральной и Западной Европы.

«Весной 1945 г. за границами Советского Союза находилось более 5 млн советских пленных, — констатировала А. Аппельбаум [1, s. 380]. — Часть из них составляли взятые в плен солдаты, которые содержались в нацистских лагерях для военнопленных. Остальные были вывезены в

¹ Статья выполнена при грантовой поддержке проекта UGA «Безопасность и внутриполитическая ситуация регионов Словакии в 1945—1948 гг. ».

лагеря принудительного труда в Германии и Австрии. Горстка из них во время немецкой оккупации сотрудничала с нацистами и отступила вместе с немецкой армией... Некоторые не были советскими гражданами. По всей Европе (более всего в Югославии) были разбросаны антикоммунистические эмигранты, «белые», т. е. те, которые проиграли в борьбе против большевизма, поселились на Западе [2]. Сталин хотел вернуть их: никто не мог избежать возмездия большевиков. В конце концов, он их получил». Во время Ялтинской конференции 1945 г. СССР и западные союзники заключили соглашение о репатриации военнопленных. Ф. Д. Рузвельт, У. Черчилль и И. В. Сталин договорились, что все советские граждане, несмотря на личные обстоятельства, должны быть возвращены в Советский Союз. Начался процесс, известный как репатриация, хотя в большинстве случаев можно говорить о принудительной репатриации или же депортации [3, с. 21].

Если в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (относящейся к советской сфере влияния) советские органы, занимавшиеся репатриацией, сумели обеспечить относительно плавный ход репатриации, то в странах Западной Европы эта акция проходила гораздо сложнее.

Часть советских граждан хотела вернуться домой, впрочем, не все. «Прочие опасались того, что их может ожидать. Однако офицеры НКВД, ездившие по лагерям военнопленных и апатридов, убедили их вернуться. Офицеры ходили по лагерям, искали русских, украинцев и иных представителей народов СССР и рисовали им полные счастья миражи светлого будущего. (...) Некоторые, особенно те, которые ранее сталкивались с большевистскими практиками, естественно, возвращаться не хотели. “На Родине достаточно места для каждого”, — говорил советский военный атташе группе задержанных в лагере для военнопленных в Йоркшире. “Мы-то знаем, какое место там будет для нас”, — возразил ему один из пленных» [1, с. 381].

Среди советских пленных и беженцев часто доходило до выступлений против их передачи советским органам. Из лагерей убегали, в случае надобности выдавали себя за граждан других стран или даже за евреев, к которым союзники были более снисходительны. Имели место и случаи самоубийств, в том числе и массовых. 12 июля 1945 г. в Кемптене и 29 июня 1946 г. в Форт Дикс были совершены групповые суициды при попытке американской администрации провести их принудительную репатриацию. Во время другого трагического инцидента в австрийском Линце британские солдаты были вынуждены воспользоваться штыками и прикладами, чтобы заставить тысячи женщин и детей сесть в поез-

да, следующие в СССР. Предпочитая «возвращению» смерть, женщины выбрасывали своих детей с моста и прыгали за ними. Были зафиксированы случаи, когда мужчины убивали своих жен, детей и себя.

Бывшие советские жители опасались того, что их ждет по возвращении в СССР расстрельная группа или ГУЛАГ [1, 381; 4, s. 13]. Как констатировал В. Быстров [5, s. 131]: «Первоначально эти советские граждане, отказывающиеся вернуться домой, не были приняты с распростертыми объятиями. Так же как и четверть века тому назад [6], мир встал перед решением — до какого предела защищать демократические принципы организации общества, чтобы не допустить их разрушения коммунистическими идеалами. И, так же как и четверть века тому назад, мир выбрал дорогу компромисса. В результате из-за близоруких утилитарных интересов пришли невосполнимые потери и трагедии. К сожалению, массы людей, которые не хотели жить в СССР, были восприняты политиками западных держав как угроза конструкции вероятного выгодного сосуществования и сотрудничества с Советским Союзом».

Именно благодаря растущему количеству инцидентов, связанных с нежеланием возвращения в СССР, союзники начали пересматривать свое отношение к этому вопросу. Одновременно и в политической сфере прошло охлаждение отношений с СССР. В конце концов, 29 ноября 1945 г. американский президент Д. Эйзенхауэр запретил дальнейшее проведение принудительной репатриации из американской зоны. Вместе с тем США выдали так называемую директиву Макнарни-Кларка, которая уточняла категории советских граждан, подлежащих депортации. К перечисленным мероприятиям постепенно присоединились Великобритания и другие западноевропейские государства [4, s. 13].

Советы запротестовали и подняли этот вопрос на уровне ООН [7]. Кремль настаивал на том, чтобы репатриация была проведена на широкой основе и в соответствии с действующими международными принципами. Явно просматривалось стремление СССР получить в распоряжение и иметь под контролем всех своих предполагаемых граждан (кроме того, СССР нуждался в трудовых силах для восстановления страны, которая в результате войны оказалась в развалинах) [3, s. 20]. К тому же советские власти были заинтересованы в максимально строгом наказании части репатриантов, поскольку, в соответствии с советским пониманием, они стали коллаборационистами и предателями своей социалистической родины. Однако это намерение не удалось реализовать.

Бывшие западные союзники СССР в 1946 г. отказались от выдачи лиц, которые до 1 сентября 1939 г. не были советскими гражданами, лиц

с паспортами Нансена [8], и в вопросах других граждан начали действовать более доброжелательно. В течение 1947 г. отдельные государства Западной Европы постепенно приостановили акцию по репатриации [4, s. 214].

Советская акция по репатриации не обошла стороной и послевоенную Чехословакию. Следует отметить, что в ЧСР акция началась раньше, чем в остальных государствах Центральной и Западной Европы (по большей части она была связана с постепенным продвижением Красной армии) [9]. Известно, что в Словакии сразу после прихода фронта начал деятельность так называемый «СМЕРШ» («Смерть шпионам»), второе отделение которого занималось поиском и арестом в занятых населенных пунктах противников советской системы и коммунистической идеологии. В основном «добычей» СМЕРШа были именно русские и украинские эмигранты [10, s. 107] и беженцы с территории СССР, которые в годы войны и особенно накануне ее окончания перешли на территорию тогдашней Словацкой республики [11]. Советские эмигранты, которые не успели или не хотели уйти дальше на Запад, после организованных розысков были арестованы и насильственно депортированы в СССР с помощью местных словацких органов [12], что подтверждает множество сохранившихся в архивах Словакии документов [12—16; 19—25; 27; 29—34].

Со второй половины 1945 г. в Чехословакии проходила «репатриация русских граждан, т. е. всех лиц, которые по своему происхождению, месту проживания или натурализации получили гражданство на землях, находящихся в настоящее время под суверенитетом СССР», и лиц, которые эти территории покинули после 1940 г., «несмотря на то, как они сюда прибыли — добровольно или нет, как военнопленные, дезертиры или демобилизованные» [14]. Один из приказов уполномоченного внутренних дел Словацкого национального совета, адресованный Главному управлению Национальной безопасности, документирует отношение к советской акции по репатриации к «скитающемуся» по Европе советскому населению: «Вскоре в Братиславу придут 2 группы освобожденных из лагеря в Румынии. Одна группа состоит из 111 человек, в том числе 56 словаков, 4 чехов и 51 украинца. (...) Организуйте прием всех освобожденных. Словаков допросите каждого по отдельности об обстоятельствах, при которых они попали в лагерь, и только после должной проверки можно их освободить. Чехов передайте III отделу Министерства внутренних дел в Праге, а украинцев — НКВД в Братиславе» [15]. Приведенный документ не требует комментариев.

Розыск, арест и депортация русских, украинцев, белорусов и представителей других национальностей СССР, проживавших в республике, прошли в несколько фаз. В первую очередь органы безопасности составили списки, на основе которых упомянутых переселяли в советские концентрационные лагеря или депортировали [16]. Часто советские органы прямо обращались к руководству Национальной безопасности, чтобы оно доставило того или иного «найденного» гражданина СССР в ближайший советский пункт сбора [17, с. 14].

С начала 1946 г. проходила вторая фаза репатриации, которая была реализована при сотрудничестве советских и чехословацких органов безопасности [18]. Чехословацкая армия оказывала помощь в розыске особ, рожденных на территории СССР, и принуждала их покинуть ЧСР [19]. По мнению Я. Вацулика, «охота» на людей «не только противоречила точке зрения ООН, что репатриация должна проходить согласно принципу полной добровольности, а не через насильственную депортацию, но и нарушала суверенитет чехословацкого государства» [17, с. 14].

Депортированных советских граждан, за исключением жен чехословацких граждан и лиц с послевоенными советскими паспортами, которые до 1 декабря 1939 г. эмигрировали из СССР [20], сосредотачивали в нескольких лагерях сбора — центрах репатриации по всей республике: в Праге, Брно [21], Ческе-Будейовицах, Пардубице, Тыне, Влашине, Йиндриховом Градце, Тршебони [22]; в Словакии — в Братиславе (в районе Патронка) [23], Малацках [24], Кошицах [25]. Возвращение репатриантов в СССР обеспечивал с начала 1946 г. подполковник Деев, специальный представитель уполномоченного правительством СССР в Праге по репатриации, которого в августе 1946 г. сменил в должности подполковник Кувыркин [26, с. 259]. В течение 1947—1948 гг. в документах появляется имя подполковника Панова, заместителя уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации в Чехословакии [27].

В сентябре 1946 г. уполномоченное министерство внутренних дел Словацкого национального совета приказало районным и областным командирам Национальной безопасности в Словакии подготовить список лиц, который мог заинтересовать советские органы в Чехословакии и повлиять на процесс репатриации в СССР. Список был подготовлен в трех частях.

В первой части списка перечислены граждане СССР, которые пребывали в Словакии без соответствующего заграничного паспорта, выданного специальным органом на родине, и оказались на чехословацких территориях после 1 сентября 1939 г. К ним относились: а) лица, кото-

рые до 1 сентября 1939 г. являлись гражданами СССР и как пленные или наемные рабочие были доставлены в Словакию военными или гражданскими органами, или попали после побега, возвращаясь из других стран, временно остались в Словакии или же пришли вместе с Красной армией; б) бывшие польские или румынские граждане, в начальный период войны проживавшие на территориях, которые на 1946 г. принадлежали СССР, особенно в Буковине, восточной Галиции или в Белой Руси.

Во второй части списка названы лица, проживавшие ранее в поселениях Закарпатской Украины (бывшей Подкарпатской Руси, вошедшей в состав СССР в 1945 г.), среди них и те, которые при оптации не выбрали чехословацкое гражданство [28].

В третью часть списка попали лица, «обладавшие российским гражданством и впоследствии его потерявшие, и лица, которые имели свидетельство о прописке на территориях Польши, Румынии или Австрии и получили чехословацкое гражданство, или же лица без государственной принадлежности и заявлявшие вплоть до сих пор о своей русской, украинской или белорусской национальности».

В первой и второй частях списка Комиссия внутренних дел обращала внимание, что: «Список следует перевезти одновременно с арестом лиц, которые должны быть собраны для репатриации. Следует строго соблюдать, чтобы упомянутые лица перед их сбором не сбежали, поэтому список следует сверить непосредственно перед сбором репатриантов». Перечисленных в списках лиц (за исключением обладавших регистрацией в Закарпатье, но имевших недвижимость на территории ЧСР — чья репатриация должна была пройти впоследствии в соответствии со специальной директивой) под конвоем органов госбезопасности должны были доставить в Братиславу и передать в центр по репатриации на Патронке, откуда их должны были вывезти на родину. Против людей, обладавших регистрацией в Закарпатье, но имевших недвижимость в Чехословакии, а также перечисленных в третьей части списка, временно не применялось никаких охранных мероприятий, в том числе и их концентрация [29].

Из списков, которые составили отдельные штабы районов Национальной безопасности в Словакии в сентябре — октябре 1946 г., следует, что подпадавшие под вышеприведенные две категории люди еще пребывали в Словакии, были в розыске или были переданы в советские пункты репатриации. В списке № 1 упомянуто 159 человек (из них 62 прибыли в Словакию в конце июля — начале августа 1944 г., из чего можно предположить, что речь шла об украинских и русских беженцах).

В списке № 2 перечислено 449 человек (из которых треть была передана в советский центр по репатриации на Патронке). Из списка № 3 (792 чел.) следует, что после его проработки сотрудники советских органов не проявили интерес к 446 (прежде всего, к эмигрировавшим в Чехословакию в межвоенный период, особенно в 1920-е гг., и к так называемым осевшим людям, с семьями, владеющим недвижимостью). О судьбе остальных можно только догадываться (документы говорят о 4 лицах, переданных в советский центр по репатриации) [30]. Третий список имел информационный характер, т. е. был для советских органов сводкой бывших российских граждан-эмигрантов, живших в Словакии.

В процессе сбора попадавших под репатриацию лиц и их передачи советским органам случилось множество нарушений. Часто объектами репатриации становились больные люди, женщины с детьми или беременные, их депортация разрывала семьи (некоторые лица имели словацкого сожителя/сожительницу). Грубое отношение к репатриантам наблюдалось прежде всего со стороны чехословацких силовых структур.

На эту ситуацию указывала Комиссия внутренних дел в Братиславе в одном из своих циркуляров: «В результате этих безобразий Комиссия внутренних дел настоятельно просит районное командование Национальной безопасности сообщить нижестоящим органам госбезопасности, ответственным за данную операцию, чтобы с лицами, подлежащими учету и сбору, обращались прилично, по-человечески, а не враждебно, чтобы не разрывали семьи (матерей от детей и мужей). Семьи, в которых один из супругов был (и остается) советским гражданином, а второй — чехословацким, пускай катятся со своими документами в генеральное консульство СССР в Братиславе, где они должны требовать вид на жительство в Словакии. В случае, если речь идет о репатриации целой семьи, запрещается их разделение, для них должен быть организован общий транспорт в Братиславу. Нужно дать людям возможность взять с собой свое движимое имущество». Одновременно, в случае пересчета лиц, указанных в списке № 3, требовалось обходиться «как можно более корректно, а не грубо, поскольку бывшие российские эмигранты, ныне граждане ЧСР, расценивают такое грубое отношение к ним как уголовное преследование и распространяют различные тревожные новости об их возможной репатриации» [31].

Последняя фаза репатриации советских граждан проходила с начала 1947 г. до конца 1948 г. Интересно, что отдельные советские органы предоставляли Комиссии внутренних дел в Братиславе списки лиц, которых впоследствии разыскивали отделы Национальной безопасности

Словакии (счет шел на десятки человек). Искали «оставшихся» в Чехословакии, несмотря на время их въезда (разыскивали также тех, кто в 1946—1947 гг. бежали из аннексированного Закарпатья [32] или из другого репатриационного центра) [33]. Особое внимание уделялось так называемым украинским апатридам — держателям паспортов Нансена из первой Чехословацкой республики, украинцев из Буковины, северной Бессарабии и бывших польских территорий, присоединенных к СССР [34]. Одновременно Комиссия внутренних дел отмечала, что множество украинцев выдавало себя за поляков, белорусов, румын или словаков или даже за реэмигрантов [35] (подчиненным органам предписывалось составлять дальнейшие списки) [36]. Комиссия внутренних дел выдала в конце 1947 г. новую инструкцию о репатриации советских граждан и даже предупредила национальные комитеты, что в случае отказа от розыска перечисленных лиц последуют наказания провинившихся органов [37]. Отдельные случаи розыска и депортаций потенциальных граждан СССР имели место и в начале 50-х гг. XX в. [38]

Определение точного количества советских граждан (эмигрантов и беженцев), которые после прихода Советской армии в Словакию были вывезены в СССР, и количества репатриированных в дальнейшие послевоенные годы — трудная задача. Документы того времени приоткрывают ход самого процесса репатриации и судьбы людей, вынужденных вернуться в страну, режим которой принудил тысячи ее жителей искать защиту у соседних государств и народов Центральной и Западной Европы. Даже по прошествии времени они имеют право на то, чтобы их судьбе была посвящена работа историков.

Перевод со словацкого А. О. Пеганова

ЛИТЕРАТУРА

1. *Applebaum, A. GULAG. Dějiny / A. Applebaum. Praha-Plzeň, 2004.*
2. В 1917 г. из России в соседние государства эмигрировали сотни тысяч жителей. Появилась так называемая «русская» («белая») эмиграция (от 1,5 до 2 млн человек — в основном русских, украинцев и представителей других народов). См.: *Harbulová, L. Ruská emigrácia a Slovensko (Pôsobenie ruskej pooktóbrovej emigrácie na Slovensku v rokoch 1919—1939) / L. Harbulová. Prešov : Filozofická fakulta PU, 2001. S. 8.*
3. *Zilynskij, B. Ukrajinci v českých zemích v letech 1945—1948 / B. Zilynskij. Praha : Ústav pro soudobé dějiny AV ČR, 2000.*
4. *Tolstoj, N. Oběti Jalty / N. Tolstoj. Praha: ELKA PRESS, 1998.*
5. *Bystrov, V. Z Prahy do Gulagu aneb překáželi / V. Bystrov. Praha : Bystrov a synové, 1999.*

6. Первая операция по репатриации была проведена в начале 1920-х гг. См.: *Harbulová, L. Ruská porevolučná emigrácia v Európe a vo svete. Centrá a činnosť pooktóbrovej politickej emigrácie z Ruska v rokoch 1918—1945* / L. Harbulová. Prešov : Metodické centrum, 1999.

7. В феврале 1946 г. на заседании Комитета по социальным и гуманитарным вопросам ООН обсуждался вопрос беженцев, сосредоточенных в Западной Европе. См.: *Východoslovenská pravda*, 06.02.1946.

8. Паспорта Нансена — по имени Фр. Нансена, комиссара Лиги Наций по вопросам российских беженцев и основателя Женевского комитета международного центра по попечительству эмигрантов из России. См.: *Tolstoj, N. Oběti Jalty*. S. 214.

9. В. Быстров пишет, что, естественно, сохранившиеся числа неточны. Однако число советских граждан, искавших защиту у американской, британской и французской армий и решением политиков или благодаря усердию военных командиров возвращенных на свою родину, было не меньше чем несколько сот тысяч человек, иногда приводятся данные в 2 млн человек. См.: *Bystrov, V. Z Prahy do Gulagu aneb překáželi*. S. 131.

10. *Letz, R. Činnosť sovietskych orgánov NKVD na Slovensku v rokoch 1944 a 1945* / R. Letz. Slovensko na konci druhej svetovej vojny, ed.: V. Bystrický, Š. Fano. Bratislava : Historický Ústav SAV, 1994.

11. В конце лета 1944 г. на территорию Словацкой республики были перемещены беженцы (прежде всего, из Галиции, 18 тыс. человек), которым было предоставлено право на постоянное местожительство. Однако в августе 1944 г. большая часть из них покинула территорию Словакии. См.: *Šmigel, M., Mičko, P. Evakuácia v znamení úteku. Utečenci z Ukrajiny a Poľska na Slovensku v roku 1944*. Banská Bystrica: katedra historie FHV UMB, 2006.

12. Slovenský národný archív (SNA) Bratislava, f. PV — bezp., k. 485, č. 538/1945. Oblastná správa OBZ Veliteľ'stva 4. oblasti č. 6184/Taj.zprav.1945.nač. z 18. októbra 1945.

13. SNA Bratislava, f. PV — obež., k. 2, inv. č. 5. Štátny archív (ŠA) Levoča pobočka Poprad, f. ONV Kežmarok 1945—1948, k. 75, č. 3180/1945 adm. Ukrajinci z Haliče, repatriácia.

14. ŠA Bratislava pobočka Trenčín, f. ONV Nové Mesto nad Váhom 1945—1960, k. 14, č. 6584/1945 prez. Hlásenie stanice NB Modrová č. 697-1/45.

15. SNA Bratislava, f. PV — bezp., k. 483, č. 34/1945. Nariadenie Veliteľ'stva NB -2. odd. č. 1593/2/1945.

16. ŠA Levoča pobočka Poprad, f. ONV Poprad 1945—1948, k. 26, č. 376/1946 prez. List splnomocnenca vlády ZSSR vo veciach repatriácii v ČSR.

17. *Vacul k, J. Hledali svou vlast* / J. Vacul k. Praha: česká expedice (Edice Podkarpatská Rus); 1995.

18. Демократический голос, 12. 10. 1946; SNA Bratislava, f. PV — bezp., k. 453, č. 20105/1946. Obežník Ministerstva vnútra č. Z/1-3495/281-4/6-46-1.

19. Vojenský historický archív (VHA) Trnava, f. Operace «Banderovci» 1945—1948, k. 70, inv. č. 322—323. Smernice veliteľ'stva «Ocel'—6» č. 1830/Dôv. zprav.1946.

20. *Konečný, S. Zmluva o Zakarpatskej Ukrajině a opcia občianstva ZSSR na Slovensku po druhej svetovej vojne* / S. Konečný. Čo dala — vzala našim rodákam optácia. Košice-Prešov : Spoločenskovedný ústav SAV v Košiciach, 2002, 72 s.; Также: SNA Bratislava, f. PV — obež., k. 11, č. 32/1947. Opcia príslušníkov zo Zakarpatskej Ukrajiny a repatriácia sovietskych občanov — smernice. Obežník PV č. 41.556/3-VI/1-1947.

21. SNA Bratislava, f. PV — obež., k. 2, č. 6/1945. Obežník Povereníctva vnútra č. 18243/1-III/3-1945.

22. SNA Bratislava, f. PV — bezp., k. 485, č. 449/1945. Odpis nariadenia Ministerstva vnútra v Prahe.

23. ŠA Banská Bystrica pobočka Lučenec, f. ONV Lučenec 1945–1948, k. 107, č. 3863/1947 adm. Sovietski príslušníci — repatriácia.
24. SNA Bratislava, f. PV — obež., k. 2, č. 5/1945. Obežník Povereníctva vnútra č. 12.616-1/1945-III/3.
25. ŠA Banská Bystrica pobočka Lučenec, f. ONV Lučenec 1945—1948, k. 107, č. 3863/1947 adm. Sovietski príslušníci — repatriácia.
26. *Вовканич, І.* Чехословачина в 1945—1948 роках / І. Вовканич. Ужгород : Відавництво В. Падяка, 2000.
27. SNA Bratislava, f. PV — bezp., k. 470, č. 20864/1948. List predstaviteľ'a splnomocnenca Rady ministrov ZSSR vo veci repatriácie v Československu Poveren ctvu vnútra v Bratislave z 10. marca 1948.
28. Šmigel, M. — Kruško, Š. Opcia. Proces opcie a presídlenia občanov Československa do ZSSR na základe československo-sovietskej dohody z 10. júla 1946. Prešov : KVR SR, 2005.
29. SNA Bratislava, f. PV — bezp., k. 489, č. 72/1946. Ruskí štátni príslušníci — repatriácia.
30. SNA Bratislava, f. PV — bezp., k. 489-491. Repatriácia sovietskych príslušníkov — zoznamy podl'a okresov.
31. ŠA Prešov pobočka Humenné, f. ONV Snina 1945—1948, k. 11, č. 111/1947 prez. Rusk štátni príslušníci — repatriácia, dodatočné pokyny.
32. ŠA Banská Bystrica pobočka Lučenec, f. ONV Lučenec 1945-1948, k. 67, č. 28570/1946 adm. Prechod hraníc ZSSR čl. občanmi, zamedzenie.
33. ŠA Prešov pobočka Humenné, f. ONV Snina 1945—1948, k. 11, č. 111/1947 prez. Sovietski štátni príslušníci — útek zo sústre ovacieho strediska, zadržanie.
34. SNA Bratislava, f. PV — obež., k. 11, č. 32/1947. Obežník Povereníctva vnútra č. 12.616-1/1945-III/3.
35. ŠA Košice pobočka Michalovce, f. ONV Michalovce 1945—1948, k. 79, č. 22588/1947 adm. Obežník Povereníctva vnútra č. 739/1-V/3-1947 dôv.
36. ŠA Prešov pobočka Humenné, f. ONV Humenné 1945—1948, k. 29, 1509/1948 prez. Sovietski príslušníci — súpis.
37. ŠA Košice pobočka Košice, f. ONV Košice-Okolie 1945—1948, k. 792, č. 2275/1947 prez. Zoznam osôb určených na repatriáciu do ZSSR.
38. ŠA Prešov pobočka Bardejov, f. ONV Bardejov 1945—1960, k. 115, č. 22/1952 adm. Rozkaz KNV v Prešove č. 28/1952 taj.

РЕЗЮМЕ. SUMMARY

Анализируется процесс репатриации советских граждан, которые по разным причинам покинули советскую территорию в 1939—1945 гг. Автор делает вывод, что на современной архивной базе определить точное количество репатриированных, которые после прихода Советской армии в Словакию были вывезены в СССР, не представляется возможным.

Process of repatriation of the Soviet citizens which have for various reasons left the Soviet territory in 1939—1945 is analyzed. Author does a conclusion that, on modern archival base, to define exact quantity repatriated which after arrival of the Soviet army to Slovakia have been taken out to the USSR, it is not obviously possible.